

В последние месяцы создавалась и задуманная ранее пьеса «Город Правды». Одна из последних значительных работ Л.— незавершенная теоретическая статья (Новый ж. Нью-Йорк. 1965. № 81), содержащая характеристику «Серпионовых братьев» по их приверженности к западным либо восточным традициям лит-ры.

После безуспешного лечения Л. скончался от эмболии мозга. В некрологе «Памяти Лунца» М. Горький охарактеризовал его как большого, оригинального художника. «Живи он, работай, <...> русская сцена обогатилась бы пьесами, каких не имеет до сей поры. В его лице погиб юноша, одаренный очень богато,— он был талантлив, умен, был исключительно — для человека его возраста — образован» (Беседа. Берлин, 1924. № 5. С. 62).

Соч.: Исходящая № 37 // Россия. 1922. № 1; Ненормальное явление // Петербург. 1922. № 2; Обольститель // Мухомор. 1922. № 3; Завещание царя: Неопубликованный сценарий: Рассказы. Статьи. Рецензии. Некрологи / сост. и предисл. В. Шрика. Мюнхен, 1983; Через границу // Лица. М.; СПб., 1994. № 5; Вне закона: Пьесы. Рассказы. Статьи / вступ. статья С. М. Слонимского; послесл. М. Вайнштейна. СПб., 1994; Переписка Л. Н. Лунца с М. Горьким // Лица. М.; СПб., 1994. № 5.

Лит.: Берберова Н. Н. Из Петербургских воспоминаний // Опыты. Нью-Йорк, 1953. Кн. 1; М. Горький и советские писатели: Неизданная переписка // ЛН. М., 1963. Т. 70; Иванов Вс. СС: в 8 т. М., 1958. Т. 8; Каверин В. А. В старом доме: Воспоминания // Звезда. 1971. № 9; Лев Лунц и «Серпионовы братья» / публ. Г. Керна // Новый ж. Нью-Йорк, 1966. № 82; Минокин М. В. «Серпионовы братья» в зарубежных изданиях // Русская лит-ра. 1971. № 1; Слонимский М. Л. Завтра: Проза. Воспоминания. Л., 1987; Чуковский Н. К. Лит. воспоминания. М., 1989; Иованович М. Полилог о Конце: Блок — Маяковский — Лунц // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева / сост. и общая ред. М. Б. Мейлаха и Д. В. Сарабьянова. М., 2000; Молдавский А. Ф. Лунц Лев Натанович // Русские писатели XX века: Биографический словарь / главный ред. и сост. П. А. Николаев. М., 2000; Ичин К. Драмско стваралаштво Лава Лунца. Белград, 2000; Фрезинский Б. Судьбы Серпионов (Портреты и сюжеты). СПб., 2003.

Т. А. Кукушкина

ЛЮЛИН Александр Сергеевич [28.11.1955, д. Посадниково Грязовецкого р-на Вологодской обл.] — поэт.

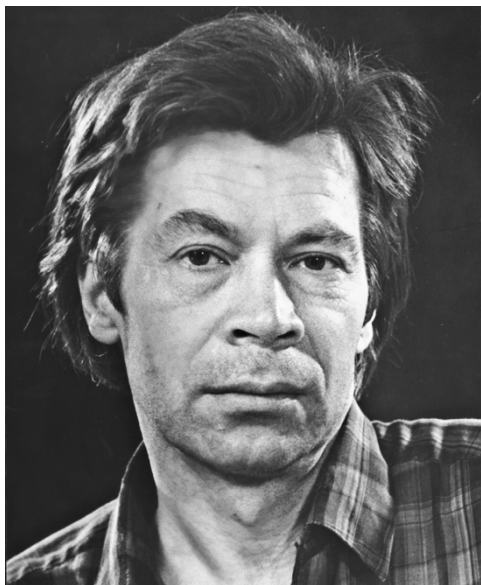
Мать — крестьянка, отец военный моряк, затем механизатор, председатель колхоза, военкор. Младенческие годы Л. прошли в доме его крестной матери — тайной монахини. С 6 лет Л. работал в деревне подпаском, па-

стухом. В 1966 переехал в г. Отрадное Ленинградской обл., где окончил школу. После службы в армии работал на производстве.

Стихи пишет с детства, первая публикация — в 1976 в газ. «Ленинское знамя» (г. Тосно). Занимался в ленинградском ЛИТО «Радуга», руководитель которого, Е. А. Вечтомова, писала в 1980: «Имя Люлина уже хорошо известно среди литераторов. Поэт он растущий, думающий, интересно видящий мир. В литобъединении „Радуга“ он — лауреат премии им. Ю. Инге (за стихи памяти В. Шукшина). Заметно, насколько яснее, чище, ярче стало его творчество» (цит. по: Лит. Петербург. 2000. № 1). Л. был участником, а позже — руководителем творческих семинаров Конференций молодых литераторов Северо-Запада. В 1993 принят в СП России. В 1993–95 учился на Высших лит. курсах при Лит. ин-те им. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова). В 1995–96 работал в петербургском храме Георгия Победоносца.

Стихи Л. публиковались в газ., ж., коллективных сб.: «Молодой Ленинград», «Лит. Россия», «Наш современник», «Аврора», «Нева», «Звезда», «Север», «Русский вестник», «Православный Санкт-Петербург» и др.

Первая книга стихов Л., «**Заповедник**», вышла в 1983. С первого же стих. был заявлен масштаб поэтической мысли: «Прохлады звезды. Мир высок. / Во сне ворочаясь, Россия / Дыханьем греет мне висок...» Автор пробует разные стили, интонации. В стихах звучат цитаты из Есенина («Что же я тоскую,

А. С. Люлин

что желаю», «Жизнь прошла. А кажется, вчера / Я тебя в березах целовал»), Рубцова («Взойду на холм. И сердце ахнет!»). С др. стороны, характерная образность («Может быть, зачистив электроды, / Душу к телефону подключу»), когда «лабораторией» предстает у Л. не только природа, но и сама жизнь — явное влияние эпохи НТР.

Поэт не только наслаждается вещественной плотью мира, своим молодым телом («пчелиное гнездо и мыслей и страстей»), но и задумывается о бессмертии души: «обидно иногда, что отменили бога» («**Мысли во время дождя**»). Элегические настроения, созерцания природы и окружающего мира неожиданно дарят емкие образы: «Спит под крестами полусгнившими / Церквушки сельской экипаж» («**Дожди**»).

Во внутренних рецензиях (опубл. Лит. Петербург. 2000. № 1) отмечались черты поэзии Л.: «чистое отношение к миру, к людям», «глобальное мышление». «Вселенная входит в его стихи так же равноправно, как любимая» (Н. Полякова), «это своеобразный, глубокий, истинно народный талант» (И. Сергеева).

Для поэтического яз. Л. изначально была характерна своя особенная символика, его образы порой неожиданны: «вольтеровы рты» ворон, «наше соленое счастье», «сковородка бытия», СССР — «инкубатор любви». М. Шикова отмечала: «Стихи... удивляют своей дерзостью, удалью, размахом поэтической натурой», Л. свойственны «острый взгляд, остроумная нюансировка положений, смесь иронии и лиризма» (Шикова М.— С. 7).

Если первую книгу наполняли светлые краски и интонации, то во второй, «**Человек дождя**» (1992), проступает ожесточенность по отношению к жизни, которая определяется зачастую как «стерва... обманщица» («**Элегия**»), и даже соловей «задыхается от злости». Стих. Л. 1990-х собраны в книге «**Обнаженные слова**» (2000). В любовной лирике Л. преобладают настроения разочарования, упреков неверному и искусителю женскому роду: «Взрослая женщина — яблочко сочное, / Но с червоточинкой в сладких местах» («**Слопал другой мое райское яблоко...**»). С горькой иронией поэт благодарит неверную возлюбленную «За то, что молодость разбила, / Что сердце бросила на снег». Лишь образ матери окружен ореолом праведности.

Характерны для поэзии Л. мотивы одиночества, покаяния («**Томятся души одинокие...**», «**Холодно и одиноко в доме...**», «**Побудь со мной**»), в которых подчас раз-

личимы есенинские интонации, но чаще встречаются пушкинские темы и образы. Так, «грехов свора» преследует лирического героя, подобно «льву» из стих. Пушкина «Напрасно я бегу к сионским высотам», а вопрошания «Зачем я приходил на землю? Зачем на ней существовал» («**Обнаженные слова**». С. 113. Далее цитируется это изд.) отсылают к пушкинскому «Дар напрасный, дар случайный...». Однако же Л. абсолютно искренен, по определению критиков, «чистонаивен» и не пытается искусственно поддерживать высокую образность и слог: стихотворение о смысле жизни заканчивается вполне житейскими раздумьями, что еще никто «на тот свет не уволок... ни женщину... ни каши котелок».

Значительное место в поэзии Л. занимают стих., в которых автор пытается передать свое восприятие евангельских заповедей, святых подвижников, почитаемых икон. Это цикл стихов, посвященных православным праздникам («**Рождество**», «**Преображение**», «**Пасха**»), авторское переложение посланий св. апостола Павла «**К римлянам**», «**К ефесянам**» и др., поэма «**Мария Египетская**». В то же время нередки у Л. резкие антиклерикальные выпады: «Лицемерие ненавижу, / Отрицаю церковный цирк... / С догматических колоколен / Криво судите, господа» (С. 140), «Отстроенные храмы, а в алтаре — змея!», и этой змее служит «попоугай» (С. 218, 151).

Ряд образов-лейтмотивов поэзии Л. заимствован из фольклора: так, Россию символизирует Царевна-лягушка. В руках насильников и экспериментаторов «Скромница-Русь» превращается то «в бородавчато-черную жабу», то в «утопленницу», то в обезьяну с короной на голове, становится объектом «мерзостной игры», на что непосредственно указывает эпиграф из пушкинского «Гусара», предпосланный к главе «Империя печали, государство слез». Возникает и образ Ивана-царевича, стремящегося воскресить Россию-Царевну, вернуть ей прежний лик — и потому занятого поисками «Кощеевой смерти».

Лирический герой Л.— русский человек на переломе эпох, с взлетами и падениями ищущей души, грешащий и кающийся,— напоминает образ Мити Карамазова: «То пост держал, то матерился, / То умирал, то воскресал, / То Богу истово молился, / То кулаками потрясал» (С. 112). «В его поэзии причудливо уживаются вера и безверие, целомудрие и цинизм, щемлящая лирика и бесшабашность» (Шикова М.— С. 7).

Смеховая культура, народная по своим истокам, широко проявляется в творчестве

поэта: травестия, автоирония присутствуют даже тогда, когда Л. пишет о высоких, трагических предметах. Часто встречающиеся у Л. разухабистые куплеты, частушечный ритм обнаруживают полную раскованность автора, которому удается передать экзистенциальное состояние «бездны на краю» с типично русскими поворотами темы. Так, в стих. **«Вторые петухи»** в испуганном вихре мелькают кресты, кости, синагога, мечеть, монастырь, крематорий, самогон; настроения отчаяния и плотского праздника, сменяя друг друга, тем не менее, сопровождаются отчетливым сознанием собственной греховности и желанием скорейшего конца времен: «Но восстанет вся планета, / Но преобразимся мы, / Потому что конец света — / Это значит: конец тьмы» (С. 166).

О своем творчестве зрелого периода сам поэт говорит так: «Большее всего меня поражает жизнь как феномен, как вечная загадка и тайна. Воспитан на классической русской литературе во всем ее разнообразии и богатстве... Основные мотивы творчества — эсхатологические» (**Автобиография**. Отдел новейшей лит-ры ИРЛИ РАН). Тема смерти — и отдельного человека, и страны, и всего мира — действительно занимает важное место в книге «Обнаженные слова». Совр. автору эпоха охарактеризована как «эти мертвые года, / Что нам попущены от Бога» (С. 67). Гражданская поэзия Л. — сплав отчаяния, ожесточенности, боли за страну и беспощадных инвектив в адрес ее палачей. Политические, социальные катаклизмы 1990-х погружаются Л. в религиозный контекст. Так, в стих. **«Сороковины»** убийцы павших у Дома Советов «будут судимы... небесным судом», в то время как память о погибших выкристаллизовывается в формулу: «Светит Солнце смиренной лампы / Перед образом грозным Творца» (С. 141).

Итоговое для творчества Л. 1990-х произведение — мистерия-буфф **«Змея и крест»** (1998), написанная в традициях Маяковского. В сценках, монологах, круговерти образов предстает история России XX в.: революция, Гражданская война, казачество, эмиграция, расстрелы ВЧК, гитлеровская Германия, Парад Победы (в поэму полностью включен тост Сталина «за здоровье русского народа»), «эпоха реформ». Завершается поэма призывом к расправе над новыми буржуями («так выжигай напалмом московское гнилье»), автор помещает бланк расстрельного списка, предлагая читателю самому вписать имена.

Разные голоса, разные точки зрения на происходящее создают стереоскопический эф-

фект: обрисованы и сознание большевика с характерными идеологемами («белогвардейская шваль»), и офицера-эмигранта, и арийца-гитлеровца. Сочувствие вызывают те, кто остался верен присяге и родине, кто «целовал крест» и не поддался посулам «змея». Симпатией пользуются простой люд, «рабочие и крестьяне», в то время как иные слои и классы России (будь то «дамочка-дворянка» или чекисты) часто вызывают беспощадную иронию.

Отношение к фигуре Николая II в предшествующей поэзии Л. было противоречивым: то Государь видится как преступный и слабый «растлитель миллионов душ», и поэтому «В подвале Екатеринбург / Настиг семейство Божий бич» (С. 151–152), то фотографии и письма царских мучеников «святою дышат простотой» (С. 154), однако в мистере осознание того, что в новое время «Николай Кровавый „святым“ скелетом стал» рождает лишь ненависть. По мнению А. Любегина, «бунтарский староверческий дух» предков поэта породил его неприязнь к «палачу» императору, казакам — царским опричникам, к официальной церкви (Любегин А. Поэт Советского Союза. Архив А. Люлина).

В то же время в поэме заметно смешение ценностных пластов, идеологий, философий, когда уже трудно понять, «на чьей стороне» Господь и где истина. У Л. убитый красноармеец попадает в рай за то, что сражался с «бесовскими полками», в которые зачислены «цари да генералы, попы да кулаки». Пародоксальность подобного видения сродни финалу блоковской поэмы «Двенадцать», если трактовать его как благословение Спасителем «с кровавым флагом» красноармейцев-революционеров.

Кровавые вихри Гражданской войны, жертвы войны Отечества видятся Л. как очищение России, отсюда эпатажные формулировки: «Кто враг Страны Советов — тот, значит, враг Христа», Ленин посадил на цепь «Расхристанного Зверя», «Торжественно-красива — как церковь на крови / Советская Россия — империя любви» (С. 203, 204). Автор пытается разглядеть в трагических катаклизмах особый Божий промысел: Россию на ее исторической стезе сопровождают «ангелы-хранители ДНК», вовремя убирающие все вредоносное, порой они принимают облик нажимающих на курок работников ЧК. В эпоху, когда «взорвали на кусочки державный монолит», когда «...в кремлянях властных — хоть выноси святых! — / Ни белых нет, ни красных — лишь стаи голубых», поэту остается воскликнуть: «Прилаживай, Россия, к винтовочкам штыки» (С. 219).

В. Морозов так определил худож. особенности творчества Л.: «Александр Люлин в своей поэзии представляется не только лирическим отшельником и философом, но и русским былинным богатырем, а теперь и (по стихам из последней книги) — библейским мифотворцем» (Морозов В.— С. 151).

Л.— лауреат лит. премии им. Н. Рубцова (1994), ж. «Наш современник» (1999), Правительста Ленинградской обл. «Ладога» им. А. Прокофьева (2000).

Соч.: Заповедник. Л., 1983; Человек дождя. СПб., 1992; Обнаженные слова. СПб., 2000; Лирика. СПб., 2005.

Лит.: Шикова М. [Рец.: «Человек дождя»] // Ладога. Кировск, 1993. 26 июня. С. 7; О поэзии Александра Люлина (Из неопубликованных рецензий) // Лит. Петербург. 2000. № 1; Ефимовская В. Помощница молитвы // Российский писатель. 2001. № 10; То же // Всероссийский собор. 2003. № 1. С. 303; Морозов В. Свет потаенный. СПб., 2003. С. 151; Кречетов В. За колючей проволокой строк // Кречетов В. Яйцо Леды. СПб., 2003. С. 73–77; Ефимовская В. ...У смерти отнимал: Философия красоты Александра Люлина // Морская газ. 2004. 30 янв. № 5–6. С. 9–10.

А. М. Любомудров

ЛЯЛЕНКОВ Владимир Дмитриевич [3.10.1930, Константиновка, Луганской обл.— 21.7.1996, Петербург] — прозаик.

Родители Л. из курских крестьян (косвенные сведения, о его фамильных корнях содержатся в рассказе «**Записки старого солдата**», 1965). Раннее детство писателя прошло в г. Старый Оскол, подростком он в начале Отечественной войны оказался на оккупированной врагом территории, и это наложило заметный отпечаток и на его дальнейшее жизненное поведение, и на его творчество. Подробно о своих детских мытарствах Л. поведал в первой книге автобиографического романа «**Борис Картавин**» (1962). После окончания средней школы Л. поступил в Ленинградский политехнический ин-т, защитив диплом (1957), несколько лет работал инженером-строителем в г. Пикалево (Ленинградская обл.), затем перебрался в Ленинград. Еще студентом он писал прозу и занимался в литобъединении при Ленинградском отделении изд-ва «Советский писатель» — вместе с А. Володиным, В. Пикулем, В. Курочкиным, В. Конецким, Г. Горышиным, В. Голявкиным и др.— под руководством Л. Н. Рахманова и М. Л. Слонимского. Первый напечатанный рассказ Л.— «**Тайна в Подлесах**» (альм. «Молодой Ленинград», 1957).

В. Д. Ляленков

Лит. известность Л. принес «детский роман» «**Борис Картавин**» — психологическая хроника, где повествование ведется от имени героя, который своей душевной конструкцией повторяет автора. У них одна судьба, они не однажды могли погибнуть — от пули, при бомбежке, от голода и стужи, оба страдали от горького чувства сиротливой неприкаянности и унижений оккупации. Писатель с документальной точностью воспроизводит бытовые детали и крайне дорожит непосредственностью переживаний 11-летнего мальчишки: ужасы войны и плена герой Л. переносит с поразительным для его возраста достоинством, оставаясь доверчивым и простодушным ребенком, отзывчивым и чутким к людскому горю.

За первой, военной, книгой «Борис Картавин» последовали вторая — «**Ожидание лета**» (1968) и третья — «**Пресека**» (1973). В полном виде (в заново структурированном варианте) трилогия, охватывающая тяжелейшее десятилетие в истории страны (1941–52), увидела свет в 1974. А еще до автобиографического романа — к нему имеет также прямое касательство и замысел незавершенной книги «**Армия без погон**» (1964) о молодых инженерах-строителях, уезжающих после ин-та в конце 1950-х в глубинку,— Л.